

# КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2026.1.12

## Антигерой как киногерой эпохи глобального цинизма

Т. А. ГОРЕЛОВА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКОВСКИЙ ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ,

О. О. ХЛОПОНИНА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

*В статье рассматривается проявление черт цинизма в современных киногероях. Цинизм рождается как мировоззрение, задающее установку на принижение системы ценностей, девальвирующее сферу «высокого», «духовного» и упрощающее интерпретации мотивов поведения людей. Встреча двух потоков: снизу, от деклассированных европейских «интеллектуалов», и сверху — от аристократии, рождает два внутренних вектора будущей глобалистской культуры — нарождающейся идеологии и цинизма, вобравшего в себя негативы всех эпох и поэтому проявляющегося как «универсальный диффузный цинизм».*

*Циническая установка в духовной сфере создает очертания «культурного капитализма», превращающего ее в продукт массового потребления и проявляющегося в экономической, социальной, политической, экологической и личностной сферах, поскольку его природа становится диффузной и вирусной. Эти тенденции отражает современная киноиндустрия через своих киногероев. На шкале добра и зла с расположенными ближе к ее полюсам герою и антигерою циник предстает как застрявший посередине балласт.*

*Ключевые слова: герой; антигерой; трикстер; цинизм; идеология; культура; ценность*

Циник — это человек, знающий всему цену,  
но не знающий ценности.

О. УАЙЛЬД

### ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия мы стали свидетелями значительных изменений в обществе, вызванных глобализацией и стремительным развитием информационных технологий. Эти изменения затронули не только экономику, политику, но и культуру, в частности кино. Киногерои, отражающие дух своей эпохи, стали символами социальных и психологических изменений, происходящих в мире. В условиях глобального цинизма, характеризующегося недоверием к институтам власти, разочарованием в идеалах и утратой моральных ориентиров, киногерои приобретают новые черты и значения. Культура во все времена оставалась отражением ра-

зумности человека и его способности к духовному преобразению мира, но поскольку современный «глобальный разум» устремлен не к духу, а на телесно-материальное, он становится циническим разумом (Слотердаjk, 2009). Цинизм как крайняя форма пессимизма приходит на смену оптимистическому мировоззрению познающего разума.

Глобальный цинизм можно охарактеризовать как состояние общества, в котором преобладает скептицизм по отношению к традиционным ценностям и нормам. Люди все чаще сомневаются в искренности политиков, бизнесменов и даже друг друга. Глобальный цинизм находит отражение в кинематографе, где центральные персонажи зачастую становятся антиподами классических идеалов. Вместо благородных рыцарей и безупречных героев мы видим персонажей с неоднозначной моралью, которые действуют исходя из личных интересов или стремления выжить в жестоком мире, где победа над системой кажется невозможной. Общий пессимизм порождает недоверие к возможностям лучшего будущего. Таким образом, киногерой эпохи глобального цинизма — это не просто антигерой или злодей, он сложный персонаж, являющий миру противоречивые чувства и идеи и заставляющий задуматься о морали, идеалах и о том, что значит быть человеком в мире, где доверие и надежда кажутся недостижимыми. Кинематограф стал зеркалом общества еще в прошлом веке, а в современном зеркале, покрытом патиной цинизма, антигерой-циник выступает не только как объект идентификации для зрителей, но и как критический комментарий к текущим реалиям.

#### *ЦИНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ ВЕКА УТРАТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ*

Идеология, как и предыдущие шесть отраслей духовной культуры — мистика, искусство, мифология, философия, мировые религии и наука, является результатом эволюции человеческого духа в его стремлении преодолеть страх и осознать мир. По мнению выдающегося отечественного философа А. А. Зиновьева, в современном мире «...идеология — это один из трех китов, на которых держится всякое достаточно большое человеческое объединение» (Зиновьев, 2020: 7) (два другие — система власти и система хозяйствования). «Задача идеологии — организация и стандартизация сознания людей, управление людьми путем формирования определенного типа их сознания, удобного с точки зрения управления ими» (Зиновьев, 1994: 243), поэтому ее претензия на всеобщность беспрецедентна. Идеология выполняет две важнейшие функции: внутреннюю — организации одновременно и всего общества, и отдельных его членов, и внешнюю — создания социального иммунитета в противостоянии давлению на общество извне.

Зародившаяся в XIX в. в европейской цивилизации на идеалах свободы, равенства и братства, идеология к концу XX в. устремилась не к универсальности, как предыдущие отрасли духовной культуры, а к разделению: меньшинство стало навязывать свои интересы большинству. Росту влияния идеологии способствовала тенденция глобализации — объективный процесс, связанный с ростом народонаселения, возрастанием экономической и коммуникативной связанности. Но прогрессивность глобализации исчезает с того времени, когда начинается давление на мир одной цивилизации, как, например, в наше время технически более оснащенной, западной. «Идея “глобального общества” есть лишь идеологически замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей пла-

неты и на установление своего господства над всем прочим человечеством» (Зиновьев, 2007: 500). А. А. Зиновьев называет такое объединение «глобализмом» и справедливо полагает, что оно является продолжением колониальной стратегии, которая Западу очень выгодна уже в течение нескольких веков.

Рождающуюся на основе системы глобализма культуру следует также назвать глобалистской в силу разных обстоятельств: 1) глобалистская культура не имеет отечества, а отсутствие культурных корней порождает внутренний разлад глобального человека; 2) эта социокультурная модель воплощает «принудительный дух, господствующее вождение эпохи» (Панарин, 2001: 112); 3) она имеет ярко выраженный массовидный характер с его склонностью к упрощению, социальной деструктивности и нацеленности на потребление; 4) способом ее воздействия является не нацеленность на разум, чувство и веру, для которых необходимо личное участие, а «заражение» по вирусному или наркотическому характеру: например, современное кино не столько смотрят, сколько на него «подсаживаются» (поэтому актуальной становится не законченная классическая киноформа, а бесконечный сериал); 5) ее глубинным источником становится зависть, бессознательным следствием которой является стремление разрушить чужие ценности, когда своих не осталось. «Создание глобальной системы является результатом страшной зависти — зависти безразличной культуры с размытыми определениями по отношению к культуре с четкими определениями <...> зависти десакрализованного общества по отношению к культурам, сохранившим жертвенные формы» (Бодрийяр, 2016: 162).

Современное понятие «цинизм» как «наглое, бесстыдное поведение, проникнутое презрением к морали и культуре» (Словарь русского языка, 1952: 810) происходит от почти противоположного по смыслу греческого — «кинизм». Киник — существо особого рода, которого «высылают как разведчика вперед, перед фронтом человечества, чтобы выяснить, что в мире благоприятно для человека, а что для него опасно... Он не может иметь ни крыши, ни очага, ни даже родины. Это человек скитания, человек, галолирующий впереди человечества» (Фуко, 2014: 174). Философ-практик, чудаков-одиночка, моралист-провокация, яркая самобытная фигура «осевого времени» через несколько веков, в римской культуре, превращается в свою противоположность: «Смеховой мотив, вызванный к жизни афинским кинизмом, погиб в кинизме позднеимперском. Секта объединяла скорее людей слабых, полных неприязни и зависти, прихлебателей, попрошайек и бродяг, ханжей, изгоев и типов, склонных к нарциссизму и позерству, чем насмешливых индивидуалистов» (Слотердаjk, 2009: 271).

Кинически-циническое противостояние особенно ярко проявляется на переходных этапах культуры. Так, смеховая и карнавальная классическая культура (по М. Бахтину) и ирония постмодернистской культуры имеют разную природу, функции и, соответственно, результат. Смеховая составляющая классики является важнейшим инструментом «родовспоможения» культуры, когда из смерти старого по строгим правилам рождается новое. Ирония постмодерна имеет своей целью деконструкцию без созидания и приводит к усталости и потере ориентиров.

Так рождается мировоззрение, задающее установку на принижение системы ценностей, девальвирующее сферу «высокого», «духовного» и упрощающее интерпретации мотивов поведения людей. Парадокс заключается в том, что осознанное отношение к миру и цинизм как система эгоцентрической переоценки ценнос-

тей фактически рождаются почти одновременно. Цинизм как бы включается в цикл развития духовной культуры, сопровождая периоды духовного упадка переходом в общественном сознании от слабых и случайных форм обмана к более сложным и устойчивым: *Ложь* → *Заблуждение* → *Идеология* → *Цинизм* (там же: 30). По Слотердайку, цинизм становится как бы следующей стадией эволюции идеологии. «Жизнь в больших городах и информатизация сознания способствуют тому, что природа цинизма становится *вирусной*, а сам он, в силу такой природы, — *диффузным*: проникает во все сферы общественной жизнедеятельности и претендует быть мировоззрением одновременно и отдельного человека, и глобальной культуры в целом» (Горелова, 2018: 68).

Согласно Слотердайку, точкой отсчета идеологии в ее альма-матер — европейской цивилизации — является встреча двух потоков: снизу, от деклассированных европейских «интеллектуалов», и сверху — от аристократии, причем оба потока сходятся в своем ироническом отношении к христианской этике как существующей только для глупцов. Так соединяются два внутренних вектора будущей глобалистской культуры — нарождающейся идеологии и цинизма, вобравшего в себя негативы всех эпох и поэтому проявляющегося как «*универсальный диффузный цинизм*» (Слотердайк, 2009: 29). Согласно теории социальной и культурной динамики П. Сорокина, западная цивилизация примерно с XV–XVII вв. находится в стадии чувственной культуры, расцвет которой пришелся на рубеж XIX–XX вв., а к середине прошлого века столкнувшейся с неизбежным кризисом: в условиях материального успеха, развлечений и наслаждений высшие ценности девальвируются, в лучшем случае оставаясь лишь вопросом договоренностей или личных предпочтений. То, что раньше было идеалом и абсолют, перешло в сферу релятивизма.

В *духовной сфере*, о которой говорилось в начале статьи, каждая из семи отраслей, раз возникнув, остается в пространстве культуры, обретая новые очертания под влиянием следующих эпох. В наше время все они имеют собственный привкус цинизма. Движение в поисках истины в *религии и философии* приводит к осознанию относительности духовных устремлений. Метафизические альтернативы «оказываются неразрешимыми: детерминизм против индетерминизма; конечность против бесконечности; существование Бога против несуществования, идеализм против материализма <...> с логической необходимостью имеются две возможности, и все они обоснованы одинаково хорошо и одинаково плохо. Не нужно, не надлежит и не позволено “делать выбор” — с того момента, как выяснено, что оба варианта — отражение структуры разума» (там же: 76). Истина относительна, и ее поиск становится уже не горизонтом, движение к которому оправдано, а пределом, стремление к которому бессмысленно.

В *искусстве* «...борьба за сохранение (хотя бы и духовное) голого “я” мешает ему (художнику. — Т. Г., О. Х.) стать личностью и раскрыться в творчестве» (Вейдле, 2011: 303). Так возникает непреодолимый разлад между циническим самосохранением и творческой отдачей. Претензия на универсальность и доскональность исследования в конечном счете приводит науку к состоянию неотвратимости ее негативных последствий, некой «атомной бомбы» для будущего существования человечества.

В целом циническая установка в духовной сфере создает очертания «*культурного капитализма*» (Дж. Рифкин), «сделавшего товаром различные культуры, ис-

торические эпохи, стили жизни, образы событий, явлений, персонажей, а также пропаганду, рекламу, образование, массовую культуру и массовые акции. Культура превращается в продукт массового потребления» (Макаревич, Карпухин, 2016: 141), которое уничтожает ее духовную составляющую.

В *экономической сфере* сформировавшийся денежный тоталитаризм приводит к тому, что «из формы (средства) социальных отношений людей деньги превратились в самодовлеющую сущность, сделав людей средством для своего бытия» (Бодрийяр, 2016: 111). Экономическую глобализацию Ж. Бодрийяр называет «промысливанием всех знаков и всех ценностей, то есть порнографией» (там же: 155).

Цинизм *технологической сферы* заключается в обещании все большей свободы — от ручного труда, информационной перегрузки и т. п., а на самом деле скывает человека все сильнее: если древний «анимизм одушевил вещь», то современный «индустриализм овеществляет души» (Хоркхаймер, Адорно, 1997: 43). Процесс овеществления усиливается, когда виртуальная индустрия через образы вплотную подходит к душе человека: «Виртуальное пространство глобального — это пространство экрана, сетей, имманентности, цифрового формата — безразмерное пространство-время <...> дает дорогу другому виду насилия — насилию глобального: верховенству одной лишь позитивности и технической эффективности, всесторонней организации, интегральной циркуляции, эквивалентности всех обменов» (Бодрийяр, 2016: 157–158). Виртуальное и сетевое насилие не очевидно: они диффузны, анонимны, легко маскируются под любые формы человеческих коммуникаций, но являются их цинической подменой.

В *политической сфере* происходит западнизация (термин А. А. Зиновьева), т. е. установление нового мирового порядка. «Цель западнизации — довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному развитию, включить их в сферу влияния Запада, причем не в роли равноправных и равномогущих партнеров, а в роли сателлитов или, лучше сказать, колоний нового типа» (Зиновьев, 2007: 417). Такую стратегию называют по-разному — «гегемониальный взгляд на мир», «либеральный национализм», «имперские устремления» (Хабермас, 2008: 37), «глобальный неокOLONИализм» как новая форма колониализма с применением более тонких и неочевидных механизмов насилия (Горелов, 2014). Но суть ее остается прежней — неравноправные отношения и использование ресурсов покоренных стран.

Предельный цинизм современного человечества проявляется в *экологической сфере*. С одной стороны, в 1970-е гг. обнаружена и осознана ограниченность земных ресурсов, «пределы роста», с другой — именно в XX в. резко возрастает воздействие человека на природу, что усиливает отрицательные последствия. Но капиталистическое общество не может жить иначе: «Капитал — это организм, который не в состоянии обеспечивать собственное существование иначе, как устремляясь за свои пределы, обескровливая окружающую среду» (Хардт, Негри, 2004: 219). Существует и другая сторона глобального экологического кризиса, напрямую связанная с культурой. Современная культурная динамика, как и экологические изменения, действует по принципу обратной связи: культурное упрощение отдельного представителя человечества и рождение массового человека разрушают этническое разнообразие, так как массовый человек отказывается от своей культуры. В то же время исчезновение малых этнических культур ведет к унификации и снижению разнообразия всей культуры. «Уравнивание всех народов име-

ет и другое уничтожающее действие: если все люди всех культур сражаются одним и тем же оружием, конкурируют друг с другом с помощью одной и той же техники и пытаются перехитрить друг друга на одной и той же мировой бирже, то международный отбор теряет свое творческое действие» (Лоренц, 1998: 415–416). С экологической точки зрения формирование глобального «человека» и монокультурной системы ведет к гомогенизации популяции, прекращению действия естественного отбора, а значит, и эволюции.

Источником глобального гипертрофированного цинизма является каждый разумный обитатель Земли, т. е. он продуцируется и в *сфере отдельной личности*. На индивидуальном уровне его часто оценивают как положительное свойство, некий «здоровый цинизм», позволяющий самосохраняться, иметь собственную жизненную позицию, относиться к окружающим с иронией и отстранением. Такой циник как «гражданин геополитического, идеологического или религиозного лофта (от англ. *loft* — чердак, верхний этаж. — Т. Г., О. Х.) запирается сам и изнутри навешивает замок собственной нечувствительности» (Глюксман, 2006: 193). Цинизм, позиционирующий себя как защитную оболочку от неблагоприятных внешних воздействий — социальных, психологических и других, на самом деле ведет к эгоцентрическому замыканию на себя и агрессии, а неоткрытость миру — к регрессивным духовным тенденциям — расщепленности и обеднению личности (Горелова, 2017).

Распад ядра личности проявляется как неспособность человека реагировать на свои внутренние конфликты, делать осознанный выбор и брать за него ответственность. «Когда человек в своей основе разделен на части, он никогда не может целиком отдать свои силы чему-либо» (Хорни, 1995: 115). «Энергетическое обеднение» личности ведет к расщеплению «в вопросах морального характера, то есть в моральных принципах и всех чувствах, отношениях и формах поведения, которые затрагивают связи человека с другими людьми. <...> Характерными чертами разрушения нравственной цельности являются уменьшение искренности и возрастание эгоцентризма» (там же: 120, 121).

Существование в цинической капсуле отвергает возможность духовного порыва и предполагает иную форму современной жизни. Если «...героический человек экзистенциализма, который, будучи чем-то, еще должен был чем-то стать, в своем мучительном движении, только и возможном из вечного разрыва между сущностью и существованием, потеснен современным циником, у которого смысл совпадает с действием» (Гаспарян, 2008: Электронный ресурс), то духовный плацдарм современной жизни как бы выравнивается, а ценности, идеалы и героическое из нее исчезают. Но потребность остается, и на ее место приходят антиценности, пошлые идеалы и антигерой. «Ныне принято считать, что умирать ради принципов не рекомендуется. Никакие трансцендентные цели не должны угрожать благополучию размеренной жизни. Современный мир — это мир частных людей, а не общественных идеалов» (там же).

«...Когда исчерпан изначальный революционный импульс... мотивы становятся менее чистыми, появляется отвращение к героизму», и немногим удается «проплыть между Сциллой самоуничтожающего... фанатизма и Харибдой постреволюционной апатии и цинизма» (Берлин, 2001: 136). Информационно-технологический скачок XX–XXI вв. принес с собой кардинальную и очень быструю на фоне предшествующей исторической динамики смену условий жизни, неограниченную

свободу во всех сферах, обернувшуюся проблемой гипервыбора и постоянной усталости от перенасыщения возможностями и вариантами событий. Этот процесс вполне можно назвать своего рода революцией — и тогда цинизм современности становится понятен и объясним.

Таким образом, глобальный цинизм предполагает утрату веры в идеалы и ценности на всех уровнях, что находит ярчайшее выражение в культуре массовых медиа. Средства массовой информации ежедневно предлагают зрителю и слушателю месиво из информации, которую у аудитории нет ни времени, ни сил проверить и критически осмыслить. При этом создается иллюзия широкой информированности и «включенности» в мировые процессы, хотя на самом деле расходуются ресурсы, которые могли бы быть потрачены на подлинную работу мысли. Получается результат, обратный максиме Сократа «Я знаю, что я ничего не знаю»: в современном варианте будет — «Я не знаю, что я ничего не знаю / я уверен, что знаю всё»; отсюда возникает существенный элемент фундамента цинизма — иллюзия суперосведомленности. С другой стороны, события разной эмоциональной окраски и морального содержания сменяют друг друга в постоянном калейдоскопе, и мы уже «считаем совершенно нормальным, что... видим в непосредственной близости друг от друга все регионы, обнаруживаем сообщения о массовых смертях в странах третьего мира по соседству с рекламой шампанского, репортажи об экологических катастрофах — рядом с объявлением об открытии салона новейшей автомобильной продукции» (Слотердаик, 2009: 248). Это приводит к уравниванию в головах воспринимающей аудитории, особенно молодежи, событий совершенно разной значимости, рождается привычка видеть трагическое в одном ряду с бытовым и комическим и никак не переживать его, т. е. сознательно воспитываются, особенно в молодежной среде, равнодушие и цинизм.

#### *РОЖДЕНИЕ ЦИНИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ЛИТЕРАТУРЕ*

В литературе эпохи Просвещения появилось понятие персонажа, противоположного герою, как отражение осознания упадка героического в истории. Выдающийся итальянский мыслитель эпохи Просвещения Д. Вико утверждал, что было «три века, протекшие за все время мира, а именно: Век Богов, когда языческие люди думали, что живут под божественным управлением... Век Героев, когда последние повсюду царствовали в Аристократических республиках... и, наконец, — Век Людей, когда все признали, что они равны по человеческой природе» (Вико, 1994: 25). Если герой возникает в греческой мифологии как идеальное изображение борьбы человеческого духа против хаоса, как учредитель законного порядка, то антигерой — это персонаж, находящийся в центре повествования, но лишенный героических черт — мужества, доброты и чувства справедливости.

Уровни «разгероичивания» можно представить в таком виде: 1) герой (мифа) → человек из реальной жизни, готовый к самопожертвованию или совершивший подвиг; 2) культурный герой (главное действующее лицо, вызывает восхищение, имеет типичные черты эпохи, актерское амплуа и др.) → трикстер → байронический герой → антигерой (Горелова, Хлопонина, 2025: 6–10). Трикстер (ловкач, обманщик) — «демонически-комический дублер культурного героя, наделенный чертами плута, озорника... ум без чувства ответственности» (Трикстер, 1990: 428). Если этого персонажа поместить в нашу систему координат «герой-антигерой», то он будет находиться ближе к «нулевой точке».

Следующий шаг выхода европейской культуры из героического «очарования» — байронический герой (возникший под впечатлением поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда») — отражает мироощущение эпохи, выходящей из-под влияния христианской традиции. Он двойственен: с одной стороны, харизматичен, с другой — «не в ладах и с раем, и с адом, и с богами, и с людьми» (Набоков, 1998: 307). В русской литературе этот типаж обретает черты *лишнего человека*: теряет идеал и уже не способен ни расшатать мир (как трикстер), ни тем более упорядочить его (как истинный герой).

Последний элемент цепочки в нашей схеме — антигерой, хотя и несет негативный аспект героя, но не является его антагонистом. Антагонист, по определению, — тот, кто имеет противоположные цели. Цели героя — поиск справедливости при условии обладания сверхсилой — в какой-то ситуации могут обрести негативный аспект: ощущение сверхсилы ведет к тирании и разрушению первоначального идеала, недостаток силы провоцирует жестокость по отношению к соратникам. Осознание второй цели — справедливости — связано с эпохой и имеет субъективную окраску. Оба отклонения порождают антигероя.

Понятие антигероя в русскую культуру ввел Ф. М. Достоевский, который в повести «Записки из подполья» так называет своего героя, подпольного философа-парадоксалиста, критикующего все и вся, тоскующего по идеалу, но не способного выйти из внутреннего «подполья» на простор самостоятельности. Его появление обозначает новую линию — «лишних людей», прототипы которых эгоистичны, безрадостны, бессмысленны и подчинены условностям. Персонажи золотого века русской литературы (Иудушка Головлев, Николай Ставрогин, Позднышев, Башмачкин и Белкин) демонстрируют утрату в душе героической компоненты, желают только покоя, стабильности и живут по принципу «как бы чего не вышло». Парадоксально: «взрыв» литературы высшей пробы отражает точку отсчета духовного упадка человека, превращения его в человека массы, того, «кто плывет по течению и лишен ориентиров. Поэтому массовый человек не созидает, даже если возможности и силы его огромны» (Ортега-и-Гассет, 2002: 49).

Популярность антигероя в современной культуре обусловлена усложнением понимания человеческой природы, осмысление которой связано с фиксацией изначальной принадлежности к добру или злу. Здесь возможны четыре логические конструкции: человек по природе добр; изначально зол; в нем сосуществуют как темные, так и светлые стороны; нет ни того, ни другого. Наибольший интерес постмодернистской эпохи вызывает постоянное присутствие и взаимодействие в человеческой натуре темных и светлых сторон, что объясняет популярность антигероев, с которыми обыватель часто идентифицирует себя.

Зло и заблуждения вполне могут быть плодотворны для возвышения духа: «Если ты не совершишь ошибки, ты не достигнешь понимания, — говорит Мефистофель Гомункулу. «Противоречие наделяет нас продуктивностью», — писал Гете Эккерману 28 марта 1827 г. В одной из «Максим» (№ 85) он записал: «Порой мы понимаем, что заблуждение способно встряхнуть нас и побудить к действию точно так же, как истина» (цит. по: Элиаде, 1988: 124–125). Следить за антигероем интересно, потому что он демонстрирует потенциальную возможность измениться, исправиться, возвыситься через преодоление своих слабостей.

Но современный антигерой не обладает потенциалом изменения, в нем проявляются лишь черты циника — разочарование, неверие, снижение потребностей до

сиюминутных и сугубо материальных. «Чистопородный» циник застревает в своем цинизме, и это очень печальная история. Такой герой показан в прекрасном советском фильме «Афоня» (1975, реж. Г. Данелия): герой Л. Куравлева Афанасий Борщев живет в поверхностно удобном для него мире без обязательств, без привязанности и сострадания, теряя все самое ценное и подлинное: дружбу, доверие, любовь материнскую и женскую. И самое трагичное — он не меняется.

Еще одним историческим персонажем, в котором могут проявляться цинические черты, является трикстер. Его отличие от антигероя — в функциях. Трикстер — элемент обновления системы: он действует ради разрушения и восстановления мира и создает хаос ради будущего космоса. В его действиях, как правило, нет мотива личной корысти или выгоды, так как ему интереснее процесс игры и событийной вариативности. Но мотив зависти разрушает возможность позитивного действия и у него, что отчетливо проявляется, например, в действиях киновоплощения скандинавского бога-трикстера Локи. Современный кино-Локи отличается от классического, который не нуждается в оправданиях и действует как трикстер, нарушая стабильность и иницируя обновление мира. Но в кино-вселенной Marvel основным мотивом этого персонажа, сыгранного Томом Хиддлстоном, становится чисто человеческая зависть к старшему брату и стремление к мести. Из обиды и зависти действует Локи и в норвежском сериале «Рагнарек». Это иллюстрирует также ныне модную склонность сытого и благополучного поколения списывать свои неудачи на детский опыт и ошибки родителей.

Концепция антигероя не является нововведением современности: этот тип персонажа начал формироваться в литературе эпохи Просвещения. Культурный герой XVIII в. выступает своеобразным антигероем по отношению к предыдущей эпохе классицизма XVII в. На смену герою, представляющему собой гражданина высокого происхождения (монарха, аристократа или полководца), приходит тип ловкого буржуа или мещанина. И если герой XVII в. живет и реализуется в социальном положении, репутации и памяти потомков благодаря своему происхождению и верности идеалам, то сменяющий его герой XVIII в. выживает и обогащается благодаря уму, находчивости и хитрости; неважно, помещен он на необитаемый остров, где социальные блага бессмысленны, либо в светское общество, где у него их нет. Так в литературе появляются новые типажи, например, Робинзон Крузо и Фигаро, которые станут очень популярными, — не случайно «Фигаро» стало именем нарицательным.

Процесс перемешивания классов и пересмотра ценностей усилило Просвещение, когда образование включило социальные лифты. Результатом великих революций стали «разночинцы» — предвестники дальнейших этапов общественного развития и массовой культуры. Но разочарование от осознания недостижимости идеалов, прочувствованное еще романтиками, нарастало, и просвещенное сознание оказалось в первую очередь несчастным, что и сделало его циничным.

Человек может преобразовать материальный земной мир — но только в неразрывной связи с духовной составляющей, в религиозном понимании — с Богом. На ранних стадиях мифа формируются физическое понятие героя — полубога, получеловека, который и является медиатором между мирами и устройтеlem миропорядка. С усложнением духовной составляющей в монотеистических религиях приходит понимание изначального присутствия божественной искры в творениях божьих, но искру эту можно или беречь и поддерживать «духовным огнем»,

или погасить низменным и материальным. Человек — существо двойственное, одновременно и биологическое, и духовное, поэтому свою земную сторону ему следует все время сверять с духовной. Как заметил британский писатель и теолог К. С. Льюис, «естественные чувства не высоки и не низки, и святости в них нет. Она возникает, когда они подчинены Богу. Когда же они живут по своей воле, они превращаются в ложных богов» (Льюис: Электронный ресурс).

*АНТИГЕРОЙ СОВРЕМЕННОГО КИНО  
КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ЦИНИКА*

Взаимодействие с божественным может происходить по-разному: человек стремится туда, куда ему нет доступа в земном виде, — в божественные чертоги; либо боги сами снисходят к людям. Высшей точкой такого нисхождения является идея Христа с его двойственной природой, не просто пришедшего к людям, но претерпевшего все возможные человеческие муки — и физические, и духовные. Но современный киноцинизм переворачивает и эту, казалось бы, неприкосновенную ценность. Идея прихода божественного в мир с утратой сакральности в современном кино приобретает комедийные воплощения: бог может, например, явиться в виде анонимного друга в соцсетях (сериал «Бог меня зафрендил», 2018–2020, реж. М. Сига). А как еще достучаться до современного человека? Либо, переосмысливая устойчивую традицию способности божества принимать различные виды, явиться в образе небритого мужчины («Новейший завет», 2015, реж. Ж. Дормаль) или молодой девушки («Догма», 1999, реж. К. Смит). Так воплощается цинизм, вызванный утратой доверия к идее божественного присутствия и реализованный в форме насмешки-вызова, так как речь идет не о том, что бог принял вид неопрятного дядьки, а о том, что он такой и есть; но есть и надежда — может быть, бог все-таки существует, и он везде, просто пути его неисповедимы? Это и детское хулиганство, проверка прежде священных границ дозволенного на прочность, и вместе с тем олицетворение постоянной нужды в родителе, взрослом, но также иллюстрация глубинных чаяний осиротевших в секулярном мире детей-взрослых, одновременно отсылающая нас к новозаветному призыву «будьте как дети».

Еще одним ракурсом нового подхода к религиозным установкам и традиционному пониманию иерархии миропорядка становятся фильмы и сериалы, в которых человеческие институты экстраполируются на внечеловеческий мир: место обитания бога превращается в корпорацию, огромный бюрократизированный офис (сериалы «Благие знамения» (2019, реж. Д. Маккиннон), «Чудотворцы» (2019, реж. Д. Шимпф, С. Бушеми и др.)). Так, в первом сезоне сериала «Благие знамения» ангел и демон живут на Земле и почти подружились, так как и у ангела есть свои слабости, и демон совсем не такой злой и беспринципный, каким всегда казался, у них совместная задача — поддерживать баланс добра и зла в мире. Небесная канцелярия представлена офисом, где творится высший суд, но творится он по букве инструкции, а не по принципам милосердия и сострадания; примерно так же выглядит и ад. Ангелу и демону периодически присылают задания — каждому из своего департамента: ангелу инструкции и приказы из канцелярии Бога, демону — распоряжения Сатаны из преисподней. И затем оба действуют, обращаясь к темным и светлым сторонам людей, попутно делая между собой ставки, какая сторона окажется сильнее.

Примерно в том же русле развивается сюжет в сериале «Чудотворцы», где бог, руководитель корпорации «Небеса», задумал уничтожить Землю, потому что ему все надоело и скучно. Несколько сотрудников уговаривают его дать человечеству еще шанс, но люди должны показать, что среди них еще возможна любовь, — хотя ее оказывается ничтожно мало. Пара ангелов низшего звена, еще не превратившихся в равнодушных менеджеров «Отдела обработки и исполнения молитв», людям в этом помогает.

Во множестве разных сюжетных поворотов сериала «Сверхъестественное» (2005, реж. Р. Сингер и др.) прослеживается одна и та же мысль: несмотря на глобальное противостояние добра и зла и постоянные попытки потусторонних сил уничтожить наш мир, помочь людям могут только они сами, а высшие силы по разным причинам чаще всего бессильны. Несмотря на очевидную массовость и упрощенность сериала, эта идея перекликается одновременно и с традиционной христианской идеей «Бог внутри нас», и с идеями деизма, когда Творец оставил мир и не вмешивается в происходящее.

Очевидно, что в представленных экранизациях присутствует классический сюжет и структура мифа: борьба добра со злом, герои и антигерои. Интересно, что отчасти циником, потерявшим веру в людей и вообще в совершенство своих творений, здесь представлен сам бог — не верящий в победу добра над злом внутри человека, разочарованный в своем творении и попросту скучающий. Возможно, это отчаянная попытка объяснить современное состояние человечества экстраполяцией ощущений пресыщенного менеджера на образец, по которому человек, согласно Библии, создан, и таким образом понять самих себя. Согласно М. Элиаде, периодические обновления версий классических персонажей мифов связаны с неудовлетворенностью своим временем. И потому все разнообразие киногероев и антигероев осуществляет «смутную попытку выйти за рамки своей местной провинциальной истории и снова очутиться в том или ином Великом Времени» (Элиаде, 1998: 34).

Демонстрация цинизма в кино может отражать не только изменение духовных паттернов, но и социальных трендов, что проявляется опосредованно как недоверие к власти (равно небесной и земной), как иллюстрация коррупции, безразличия властей и элиты к судьбам простых людей («Не смотри вверх», 2021, реж. А. Маккей), равнодушия и тупости чиновников и обывателей («Дурак», 2004, реж. Ю. Быков), фальсификации выборов («Хвост виляет собакой», 1997, реж. Б. Левинсон), беззащитности перед лицом криминала и бездействия полиции («Три билборда на границе Эббинга, Миссури» 2017, М. Макдонах), неспособности человека противостоять системе в целом («Левиафан», 2014, реж. А. Звягинцев.) и проч.

Цинизм как следствие общей утраты ориентации на высокие идеалы, доверия к общественным институтам и доминирование стратегии «спаси себя» проявляется в фильмах, оправдывающих и объясняющих переход людей на сторону зла в духе выражения «это не мы такие, это жизнь такая», например в сериалах о «вынужденных» наркопроизводителях («Во все тяжкие») и наркоторговцах («Королева юга»).

Яркой киноиллюстрацией киногероя-циника является персонаж Леонардо ди Каприо в фильме «Волк с Уолл-стрит» (2013, реж. М. Скорсезе). Омерзительный в своем натурализме и физиологичности фильм обретает смысл благодаря удивительно точно созданному актером образу энергичного и обаятельного прохвоста.

С одной стороны, он типичный отрицательный герой — алчный, развратный, разрушающий моральные ценности и чужие жизни ради собственной выгоды, но в то же время и не антигерой, так как его подлинная трагедия циника состоит в том, что он — никакой; в нем нет элементов, благодаря которым антигерой обретает глубину и динамику, — сложности характера, мотивации (кроме выгоды) поступков и развития личностных качеств персонажа в течение сюжета.

На шкале добра и зла с расположенными ближе к ее полюсам герою и антигерою трикстер как шарик катается над бездной от одного полюса к другому, а циник — это застрявший посередине балласт. Он не может сдвинуться ни в одну, ни в другую сторону; все устремления материальны, они как коркой покрывают его существо. Положительный герой движим стремлением творить добро — пусть часто утопическим и несбыточным; антигерой имеет намерение творить зло — по разным причинам и с разной степенью успеха. Оба они, как неоднократно показано историей и описано в искусстве, имеют потенциальную возможность движения, развития вверх или вниз. Но циник — это несчастная застывшая фигура без будущего. Все силы он тратит на материальные удовольствия, которые конечны и приедаются, а в итоге конечной становится и его земная жизнь. Такие люди были и будут всегда, но главная трагедия нашего времени, показанная через этих киногероев, заключается в том, что цинизм стал нормой. Большинство людей больше не стремится ни к подлинно хорошему, ни даже к истинно злему: они ни к чему не стремятся, кроме удовлетворения физиологических, животных, желаний. Зло, которое ими причиняется, — не от намерений, а от полной неспособности чувствовать что-либо, кроме физических сигналов и стимулов. Соответственно, в подобной ситуации не может быть ни раскаяния, ни исправления. Это подтверждается самой реальностью: фильм «Волк с Уолл-стрит» основан на подлинных воспоминаниях биржевого брокера, который после раскрытия своих махинаций и отбытия довольно мягкого для извлеченных сумм срока прекрасно себя чувствует, пишет книги и читает лекции о том, как зарабатывать деньги с помощью агрессивного маркетинга. Книги переиздаются, фильм по его воспоминаниям получил «Оскара», главную американскую кинопремию, а билеты на лекции распродаются моментально. И пока критики рассуждают о точном отражении пагубных тенденций эпохи и хвалят великолепную игру Ди Каприо, его антигерой становится легитимизированным в медиа образцом для подражания.

Еще одной парадоксальной стороной проявления цинизма становится дробление, психическое расщепление личности, причем при распаде появляется ее альтер эго. Именно это происходит с героем культового фильма «Бойцовский клуб» (1999, реж. Д. Финчер). Питта Тайлер Дёрден (Брэд Питт) олицетворяет все то, чего не хватает главному герою, его антиподу — Рассказчику (Эдвард Нортон), типичному представителю офисного планктона — слабому, неуверенному в себе, мучающемуся бессонницей и живущему бессмысленной, отложенной жизнью. В Тайлере же с избытком «работает» агрессия, напор, харизма и физическая сила. Вот как он описывает себя сам: «Я умен, талантлив и, что самое главное, свободен от всего, что сдерживает тебя». При этом его характер представляет собой доведенные до предела не цинические, а, скорее кинические, послы — отрицание комфорта и материальных ценностей, страха и слабости, изнеженности человеческого тела и психики. В этом фильме, снятом по одноименному роману Ч. Паланика (1996), переплетается множество проблем современности, и их кардиналь-

ное решение предлагает главный герой Тайлер, планируя разрушить все финансовые корпорации города, в которых видит корень зла. Так, противопоставляя себя обывателю, циник становится киником, способным к борьбе.

Буквальным примером киновоплощения расщепленной личности является один из ключевых героев «Твин Пикс»: неразрывно связанных фантазией режиссера Д. Линча сериала (1990–2017) и фильма (1992). Не пересказывая сюжет, можно отметить, что в фильме делается попытка исследовать баланс добра и зла — снаружи в мире и внутри — в человеке. Этот баланс нарушается некими событиями (например, ядерным взрывом, вызывающим появление сгустка зла) или действиями людей, но ими же и регулируется. Во вселенной режиссера очень активно представлена тема двойничества, многие идеи и персонажи имеют свою пару или отражение. Герой сериала «Твин Пикса» — агент Дейл Купер, расследующий гибель молодой девушки, в ходе сюжета буквально расщепляется: в него вселяется и активизируется чистое зло в виде некоего «Боба», который ищет потенциальное место в каждом человеке. Это зло воплощается в так называемом допельгангере — злобном двойнике Купера, тогда как он сам застревает между мирами. Но кроме того, появляется третий «Купер» — «тульпа» в виде аутичного и странного Дагги Джонса, противовеса Боба. Дагги Джонс — чрезвычайно интересный персонаж, он вроде бы ничего не делает и не может сделать, чтобы противостоять злу, но сам для зла неуязвим. Получается, что нормальный — разумный и правильный Купер — не может противостоять злу, а явно выбивающийся из норм социума и представлений о должном, но очень добрый и наивный Дагги Джонс — может. Персонажи, так или иначе обладающие возможностью противостояния злу, в этом фильме очень разные, но могут быть объединены по признаку «странности»: чудная секретарша Люси, странный Энди, индеец Ястреб и др. Линч как настоящий представитель киносюрреализма не дает однозначных финалов и простых объяснений, но ставит вопросы природы зла и его присутствия в мире и человеке. В фильме переплетено множество линий, среди которых базовые — уязвимость человека перед злом и невозможность повлиять на что-либо осознанно. Подобные настроения гасят стремление к лучшему, помещая персонажей в замкнутый мир обывателей, где главное — выжить, поменьше беспокоиться и не вникать в какие-либо проблемы, не затрагивающие лично.

Схожие мотивы присутствуют в сериале «Фарго» (1995, реж. Д. Д. и Д. Коэны) и других фильмах, созданных этими братьями-режиссерами. Мир их фильмов полон равнодушных, глупых, жестоких и алчных людей. Но даже в таком циничном киномире зло не может победить других персонажей, в которых живет доброе начало (пусть и «с кулаками»), и в финале будет ими уничтожено.

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В традиционной структуре миропонимания существовала дихотомия добра и зла, где добродетельные божества, демиурги, противостояли злым разрушителям. В этих нарративах ключевыми фигурами выступали герой и антигерой, а трикстер выполнял функцию балансирующего, предотвращая стагнацию системы. Данная структура в мифе и религии представляла собой устойчивую модель, в которой каждая роль имела свое определенное значение.

Развитие общества привело к секуляризации и многополярности. Ради развития и свободы рухнул старый мир, а в первую очередь — его ценности. Получи-

лось, что вместе с водой выплеснули и ребенка. К концу XIX — началу XX в. усталость от существующих парадигм и норм стала заметной, особенно среди интеллектуалов и представителей искусства. А к рубежу XX–XXI вв. предчувствия этих мыслителей обрели массовое выражение, в том числе в кинематографической сфере.

Современное общество сталкивается с глубинной утратой веры: испытывая недоверие к современному миру, индивиды не имеют гарантий и на будущее. Из этого рождается устремление на сиюминутное — материальное обогащение и наслаждение без учета последствий по принципу «после нас хоть потоп». В условиях атомизированного общества человек становится элементом этого процесса, что проявляется в гипериндивидуализации и эгоизме, порождающих массовый цинизм.

Многогранность и разнообразие цинизма явно представлено в современном кинематографе через различные жанры и сюжеты. Искусство, и кинематограф в том числе, отказалось от идеи трансляции доброго, прекрасного и должного, так как эти категории стали размытыми. Искусство становится не окном в мир блага, но зеркалом, отражающим и демонстрирующим пороки и проблемы общества. Хотя в этом поле цинизма есть и положительный ракурс: циничный кинозгляд на мир полезен для исследования человеческой природы, социальных проблем и культурных норм, создавая пространство для размышлений.

Но у человеческого сознания есть функция веры, поэтому человек без нее существовать не может. Американскому стендап-комику Джорджу Карлину приписывают фразу (в этой профессии цинизм исключительно востребован): «Внутри каждого циничного человека живет разочарованный идеалист» (Карлин: Электронный ресурс). Это высказывание вполне укладывается в давнюю историю взаимодействия цинизма и идеализма, так как цинизм не существует сам по себе, он актуализируется как вектор реакций на жесткое столкновение идеалов с реальностью. В кинематографе мы наглядно видим различные проявления такой реакции: ироничная форма защиты от абсурда и бессмысленности жизни, либо деконструкция и разоблачение ложных идеалов, либо движение в сторону эстетизации зла и наслаждения пороком.

Эти явления могут интерпретироваться как разные стадии динамики, но не как результат. Поэтому проблему можно представить в таком ракурсе: может ли цинизм рассматриваться как своего рода трикстер, побуждающий людей переосмыслить свое отношение к кажущемуся бессмысленным миру и наполнить его новым смыслом? Для понимания истинной природы цинизма целесообразно обратиться к философии киников, которые уже проходили нечто подобное много веков назад, да и сами были трикстерами-провокаторами, ведущими к осознанию значимости простых вещей. Кинический взгляд на мир призывает современное человечество очиститься от избыточного потребления, духовных симулякров и гонки за эфемерным успехом.

Но открытым остается вопрос: как достичь этой цели? Согласно закону эволюции не вписывающимся в вектор развития существам грозит вымирание. У человека на механизм естественного отбора накладывается способность осознания смысла. Поэтому он может найти пути для восстановления смысла жизни и создания гармоничного взаимодействия между природой и обществом, индивидом и целым.

Цинична зрелость — возраст мой.  
И как же ей не быть циничной,  
Когда — владычествует деспотично  
Слепое тело над душой

(А. Мариенгоф)

Поэтесса и филолог Ольга Седакова в интервью как-то заметила: «Цинизм всегда после чего-то, а после него — я в этом солидарна с Аверинцевым — уже ничего. Этого он и хочет: чтобы уже ничего» (Седакова, 2013: Электронный ресурс). Не стоит этого допускать. Пора прозреть.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлин, И. (2001) История свободы. Россия. М. : Новое литературное обозрение. 544 с.
- Бодрийяр, Ж. (2016) Дух терроризма // Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М. : РИПОЛ классик. 224 с. С. 95–188.
- Вейдле, В. В. (2011) Задача России. Минск : Белорусская православная церковь. 512 с.
- Вико, Д. (1994) Основания Новой науки об общей природе наций / пер. с итал. А. А. Губера. М. — Киев : REFLbook — ИСА. 656 с.
- Гаспарян, Д. Э. (2008) Цинический модус власти в работе П. Слотердайка «Критика цинического разума». [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/3g9xc8n5o0/direct/76759989?ysclid=mckin9zbh8977664031> (дата обращения: 01.07.2025).
- Глюксман, А. (2006) Достоевский на Манхеттене / пер. с фр. В. Бабинцева. Екатеринбург : У-Фактория. 224 с.
- Горелов, А. А. (2014) Глобальный неокOLONиализм и русская идея. М. : Ленанд. 256 с.
- Горелова, Т. А. (2017) Пределы парадигмы индивидуальности // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 56–70. DOI: 10.17805/zpu.2017.2.4.
- Горелова, Т. А. (2018) Цинизм как способ существования глобалистской культуры // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 65–89. DOI 10.17805/zpu.2018.1.6.
- Горелова, Т. А., Хлопонина, О. О. (2025) Героическое как культурный концепт : монография. М. : Изд-во Московского гуманитарного университета. 198 с.
- Зиновьев, А. А. (1994) Коммунизм как реальность. М. : Центрполиграф. 495 с.
- Зиновьев, А. А. (2007) Запад. М. : Алгоритм ; Эксмо. 512 с.
- Зиновьев, А. А. (2020) Проблемы национальной идеологии (Восьмое заседание 2002 г.) // Русский интеллектуальный клуб : стенограммы заседаний и другие материалы. В 4 т. / под ред. И. М. Ильинского ; отв. ред. Вал. А. Луков. М. : Социум. Т. 2. 676 с. С. 7–16.
- Льюис, К. С. Расторжение брака. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/rastorzhenie-braka/> (дата обращения: 01.07.2025).
- Лоренц, К. (1998) Обратная сторона зеркала : пер. с нем. / под ред. А. В. Гладкого ; составление А. В. Гладкого, А. И. Федорова; послесловие А. И. Федорова. М. : Республика. 393 с.
- Карлин, Дж. Фальшивые цитаты Карлина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.georgcarlin.net/bogus/index.html> (дата обращения: 01.07.2025).
- Макаревич, Э. Ф., Карпущин, О. И. (2016) Блеск и нищета массовых коммуникаций. М. : Изд-во АНО «Парламентская газета». 398 с.
- Набоков, В. В. (1998) Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб. : Искусство-СПб. 928 с.
- Ортега-и-Гассет, Х. (2002) Восстание масс. М. : АСТ. 509 с.
- Панарин, А. С. (2001) Политология. М. : Изд-во МГУ. 346 с.
- Седакова, О. (2013) Все тонет в цинизме [Электронный ресурс]. URL: <https://psmb.ru/a/vse-tonet-v-cinizme.html> (дата обращения: 20.01.2026).

Слотердайт, П. (2009) Критика цинического разума / пер. с нем. А. П. Перцева. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ. 800 с.

Трикстер (1990) // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Советская энциклопедия. 672 с.

Фуко, М. (2014) Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб. : Наука. 358 с.

Хардт, М., Негри, А. (2004) Империя / пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М. : Праксис. 440 с.

Хоркхаймер, М., Адорно, Т. В. (1997) Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М. ; СПб. : Медиум ; Ювента. 312 с.

Хорни, К. (1995) Наши внутренние конфликты // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М. : Юрист. 623 с. С. 7–190.

Элиаде, М. (1998) Мефистофель и андрогин. СПб. : Алетейя. 375 с.

Дата поступления: 26.12.2025 г.

THE ANTIHERO AS A FILM HERO OF THE ERA  
OF GLOBAL CYNICISM

T. A. GORELOVA,

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES,  
MOSCOW INSTITUTE OF PHYSICS AND TECHNOLOGY,

O. O. KHLOPONINA

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The article examines the manifestation of cynicism in modern film characters. Cynicism is born as a worldview that sets the stage for the devaluation of the value system, the devaluation of the sphere of the “high” and “spiritual,” and the simplification of interpretations of people’s motives. The meeting of two streams: from below, from the declassed European “intellectuals,” and from above, from the aristocracy, gives rise to two internal vectors of the future globalist culture: the emerging ideology and cynicism, which has absorbed the negatives of all eras and therefore manifests itself as “universal diffuse cynicism.”

A cynical attitude in the spiritual sphere creates the outlines of “cultural capitalism,” which turns it into a product of mass consumption and manifests itself in the economic, social, political, environmental, and personal spheres, as its nature becomes diffuse and viral. These trends are reflected in the modern film industry through its movie characters. On the scale of good and evil, with the hero and the antihero located closer to its poles, the cynic appears as a ballast stuck in the middle. Keywords: hero; antihero; trickster; cynicism; ideology; culture; value

REFERENCES

Berlin, I. (2001) *A History of Freedom. Russia* / transl. from Eng. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 544 p.

Baudrillard, J. (2016) *Dukh terrorizma*. In: Baudrillard, J. *Dukh terrorizma. Vojny` v zalive ne by`lo* / transl. from Fr. by A. Kachalov. Moscow, RIPOL klassik. 224 p. Pp. 95–188.

Vejdle, V. V. (2011) *Zadacha Rossii*. Minsk : Belorusskaya pravoslavnaya cerkov`. 512 p.

Viko, D. (1994) *Osnovaniya Novoj nauki ob obshhej prirode nacij* / transl. by A. A. Guber. M. — Kiev : REFLbook — ISA. 656 p.

Gasparyan, D. E`. (2008) *Cinicheskij modus vlasti v rabote P. Sloterdajka «Kritika cinicheskogo razuma»*. [online]. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/3g9xc8n5o0/76759989.pdf> (accessed: 01.07.2025)

Glucksmann, A. (2006) *Dostoevskij na Manxettene* / transl. from Fr. by V. Babincev. Ekaterinburg : U-Faktoriya. 224 p.

Gorelov, A. A. (2014) *Global`ny`j neokolonializm i russkaya ideya*. Moscow, LENAND. 256 p.

- Gorelova, T. A. (2017) Predely` paradigmy` individual`nosti. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 56–70. DOI: 10.17805/zpu.2017.2.4
- Gorelova, T. A. (2018) Cinizm kak sposob sushhestvovaniya globalistskoj kul`tury`. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 65–89. DOI 10.17805/zpu.2018.1.6
- Gorelova, T. A., Kchloponina, O. O. (2025) *Geroicheskoe kak kul`turnyj koncept*. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 198 p.
- Zinov`ev, A. A. (1994) *Kommunizm kak real`nost`*. Moscow, Centrpoligraf. 495 p.
- Zinov`ev, A. A. (2007) *Zapad*. Moscow, Algoritm; E`ksmo. 512 p.
- Zinov`ev, A. A. (2020) Problemy` nacional`noj ideologii (Vos`moe zasedanie 2002 g.). In: *Russkij intellektual`nyj klub: stenogrammy` zasedanij i drugie materialy`*. In 4 v. / ed. by I. M. Il`inskiy. Moscow, Socium. V. 2. 676 p. Pp. 7–1.
- L`yuis, K. S. *Rastorzhenie braka*. [online]. Available at: <https://azbyka.ru/fiction/rastorzhenie-braka/> (accessed: 01.07.2025)
- Lorenz, K. (1998) *Oborotnaya storona zerkala* / transl. from Germ, ed. by A. V. Gladkyi. Moscow, Respublika. 393 p.
- Carlin, G. *Fal`shivy`e citaty` Karlina*. [online]. Available at: <https://www.georgecarlin.net/bogus/index.html> (accessed: 01.07.2025)
- Makarevich, E` F., Karpuxin, O. I. (2016) *Blesk i nishbeta massovy`x kommunikacij*. Moscow, Izd-vo ANO «Parlamentskaya gazeta». 398 p.
- Nabokov, V. V. (1998) *Komentarij k romanu A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»*. St.-Petersburg, «Iskusstvo-SPb». 928 p.
- Ortega y Gasset, J. (2002) *Vosstanie mass*. Moscow, AST. 509 p.
- Panarin, A. S. (2001) *Politologiya*. Moscow, Moscow State University Press. 346 p.
- Sedakova, O. (2013) *Vse tonet v cinizme* [online]. Available at: <https://psmb.ru/a/vse-tonet-v-cinizme.html?ysclid=mmsdbzuoie560335922> (accessed: 20.01.2026)
- Sloterdijk, P. (2009) *Kritika cinicheskogo razuma* / transl. from Germ. A. P. Percev. Ekaterinburg : U-Faktoriya ; Moscow, AST. 800 p.
- Trikster (1990) // *Mifologicheskij slovar`* / ed. by E. M. Meletinskij. Moscow, Sovetskaya e`nciklopediya. 672 p.
- Foucault, M. (2014) *Muzbestvo istiny`. Upravlenie soboj i drugimi II. Kurs lekcij, prochtanny`x v Kollezhe de Frans v 1983–1984 uchebnom godu* / transl. from France by A. V. D`yakov. St.-Petersburg, Nauka. 358 p.
- Hardt M. and Negri A. (2004) *Empire* / transl. from Eng., ed. by G. V. Kamenskiy and M. S. Fetisov. Moscow, Praxis. 440 p.
- Horkheimer, M. and Adorno, T. W. (1997) *Dialektika Prosveshbeniya. Filosofskie fragmenty`* / transl. from Germ. by M. Kuznecov. Moscow ; St.-Petersburg, Medium ; Yuventa. 312 p.
- Horney, K. Our Inner Conflicts: A Constructive Theory of Neurosis. In: *Psixoanaliz i kul`tura: Izbranny`e trudy` Karen Xorni i E`rixa Fromma*. Moscow, Yurist. 623 p. Pp. 7–190
- Eliade, M. (1998) *Mefistofel` i androgin*. St.-Petersburg, Aletejya. 375 p.

Submission date: 26.12.2025.

Горелова Татьяна Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-45-55-11. Эл. адрес: [socio@mosgu.ru](mailto:socio@mosgu.ru) ;

профессор Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук Московского физико-технического института. Адрес: Российская Федерация, Московская область, Долгопрудный, Институтский переулок, 9, стр. 3. Тел.: +7 (495) 408-46-81. Эл. адрес: [gorelova.ta@mipt.ru](mailto:gorelova.ta@mipt.ru)

Хлопонина Ольга Олеговна — кандидат культурологии, доцент кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Рос-

сийская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: socio@mosgu.ru

Gorelova Tatyana Anatolyevna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Sociology and Culturology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-45-55-11. E-mail: socio@mosgu.ru;

Professor at the Educational and Research Center for Humanities and Social Sciences at the Moscow Institute of Physics and Technology. Postal address: 9 Institutsky Lane, Building 3, Dolgoprudny, Moscow Region, Russian Federation. Tel. +7 (495) 408-46-81. E-mail: gorelova.ta@mipt.ru

Khloponina Olga Olegovna, Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Culturology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-55-11. E-mail: socio@mosgu.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.1.13

## Трансформация ценностных ориентиров молодежи современного Китая

Е. В. ГАВРИЛОВА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

*В статье рассматривается трансформация ценностных ориентиров молодежи Китая. Влияние западных идей, настроенных на новые для китайской культуры жизненные приоритеты, приводит к существенным изменениям традиционной аксиологии и вызывает латентные сдвиги в общественных отношениях, приводящие к конфронтации с менталитетом старших поколений. Значимые ценности китайской культуры превращаются в шаблоны и незаметно становятся имитацией привычных норм культуры, которые замещаются суррогатными смыслами. Психологические установки молодых все более настроены на карьеру и создание комфортных условий жизни, что ведет к смене парадигм во всех экзистенциальных сферах. Складываясь под влиянием ориентиров на индивидуализм и независимость, трансформируются гендерные и матримониальные отношения. Традиционные семейные нормы, внешне остающиеся неизменными, утрачивают глубинные смыслы и заменяются новыми паттернами, приобретая все большую формализованность. В образовательном и карьерном полях по-прежнему сохраняется отношение к обучению и нужным связям как к способу повышения социального статуса, однако теперь актуализируется также тема престижности самого образования и выбора места работы. Вопросы безопасности, жизни и здоровья, связанные с решением экологических проблем, занимают все большее пространство в ценностной системе молодежи. Молодое поколение китайцев, с легкостью принимая и копируя западные модели жизни, активно вовлекается в мировые глобальные процессы, настроенные на универсализацию культур, что постепенно изменяет кодовое содержание традиционных систем собственной цивилизации.*

*Ключевые слова:* глобализация; карьера; культурные коды; матримониальные отношения; мировоззренческие концепции; образование; поколение Z; самоидентификация; система ценностей; экологическое сознание